

Восстанавливаемый храм «Всех скорбящих Радость» в СИЗО №1 в Ярославле посетил епископ Рыбинский и Угличский Вениамин

Забившийся в кусты подросток видел, как ночью задержанных привели к месту казни. Выстроили в линию под лучами прожекторов. Приказали повернуться затылком. Кто-то упал на колени, кто-то отвернулся. А отец Дмитрий продолжал стоять, глядя в упор на своих убийц. После первого залпа он остался жив, потому что никто из молодых стрелков не решился выстрелить в батюшку, который по возрасту им в отцы годился. Тогда командир отряда выхватил ружье у ближайшего солдатика и сам нажал на курок.

Ольга ПЕТРЯКОВА.
Фото из архива ИЗЮМОВЫХ

«Зачинщик бунта»

– В квартире своей школьной подруги Иры Изюмовой, с которой мы встретились после многих лет разлуки, я увидела старую фотографию. С нее как будто прямо мне в душу смотрел человек в рясе, с бородой, как у Льва Толстого, и пронзительными глазами, – рассказывает ярославна Лидия Ватлина. – Ирина объяснила, что это ее прадед, Дмитрий Павлович Вознесенский, священник церкви села Николо-Замощье Мологского уезда (ныне это часть Некоуза). Его расстреляли в 1918-м как врага молодой советской власти. Но в семье всегда считали, что он пострадал за правду.

Прошлое ярче открывается через личные впечатления. Лидия Павловна начала собирать исторические сведения о заинтересовавшем ее человеке. Если не считать годы учебы в Ярославской семинарии, он всю свою сознательную жизнь провел в родном селе, служа в храме сначала псаломщиком, потом диаконом и, наконец, священником. Жена его умерла очень рано, и он один воспитывал дочь.

В 1918 году отцу Дмитрию было уже за шестьдесят. В октябре в его уезде стихийно вспыхнул мужицкий бунт, который скоро докатился и до окрестностей Некоуза. Восставшие потребовали у батюшки пройти с иконами вокруг храма и благословить их «на ратный подвиг». Это было прямым нарушением декрета Совета Народных Комиссаров, запретившего крестные ходы и молебны в общественных местах. К тому же все понимали, что новая администрация смертельно боится повторения только что отгремевшего в Ярославле белогвардейского мятежа. И любое выступление противников диктатуры пролетариата будет жестоко подавлено. Тем не менее отец Дмитрий уступил просьбам земляков. А потом еще и эмоционально воззвал к своей пастве: «Всем нам сейчас живется очень тяжело, – приводит его слова очевидец событий отец Сергей (Розов). – Грабят, отбирают хлеб, святых, притесняют служителей церкви. Все это прodelывает так

Через поколения

Прадедушка – святой

Высшая дань памяти, которую современники могут отдать своим предкам, – это добиться их канонизации

Отец Дмитрий с дочерью, зятем и внуком.

Потомки Дмитрия Вознесенского.

называемая партия большевиков. Так жить нельзя. Необходимо учредительное собрание для избрания законной власти».

Сказал как на духу. Но когда на ближайшую железнодорожную станцию из Рыбинска прибыл отряд красноармейцев, бравые участники восстания после первых же выстрелов рассеялись. А священника за смелые речи и колокольный звон,

который сочли сигналом к вооруженному выступлению, причислили к «зачинщикам бунта» и взяли под стражу.

После дежурного допроса в тот же вечер вынесли приговор – расстрелять. Когда конвоиры вывели Дмитрия Павловича из здания, он заметил у входа осунувшуюся от переживаний и мучительной тревоги дочь Ольгу и обнял ее в последний раз.

Ночью один местный парнишка тайком пробрался через выставленные кордоны к месту казни. Спрятавшись за кустами, он увидел, как обреченных выстроили в линию под лучами прожекторов и, несмотря на то, что слабые духом упали на колени, дали залп. Отец Дмитрий погиб последним, ибо молодые солдатки не решились в упор застрелить благообразного сельского батюшку, и это грязное дело пришлось делать за них командиру. Священник до последней минуты смотрел им в глаза.

– Даже упокоиться на кладбище ему была не судьба. Из опасений, что похороны в родном селе перерастут в акцию протеста, его закопали в братской могиле на станции Шестихино вблизи железнодорожных путей. Много лет спустя прямо по этому месту проложили автодорогу, – печалится Лидия Ватлина.

Запах Родины

– С Ирой Изюмовой мы учились в одной школе и с увлечением занимались в кружке английского языка, – вспоминает Лидия Павловна. – Она жила

Екатерина Александровна, преподавала образование химик, – делала нести-ельница поэзии. Здесь часто звучали стихи.

Позднее пути школьных друзей разошлись. Встретились они через много-много лет в Ярославле, а в столице Грузии Тбилиси, куда Изюмовы уехали в 70-е годы прошлого века, чтобы побраться на родину родственников по линии матери.

– Меня поразило, как трепетно Ирина родня бережет память об общем предке из Некоуза, – признается собеседница. – Его фотографии показывают как самое ценное достояние. Твердости духа почти легендарного человека стремятся подражать. Но бо тронуло, что на протяжении многих лет большой и разветвленный род Дмитрия Павловича Вознесенского, потомки которого жизнь разбросали только по городам и весям, даже по разным странам, собрался вместе в старом некоем доме. Там всегда витал запах яблок, меда и каких-то родичей это был будоражащий запах детства. Запах Родины.

Твердости духа отца Дмитрия до сих пор стремятся подражать его потомки.

Сберегаемые в семье реликвии и проведенные ею и ее друзьями исторические изыскания помогли в подготовке материала для канонизации иерея Дмитрия Вознесенского. В начале нулевых годов решением Архиерейского собора Русской православной церкви отец был причислен к лику святых. А 14 августа этого года у него расстрела близ трассы его памятный крест. Основную роль тогда взяла на себя Лидия Ватлина. В Некоузе она нередко. О каждом посещении значимого теперь и для ее школьной подруге, живя в Грузии, не имела возможности приехать. Но в дальнейшем далеке очень дорого этой ниточкой, связывающей с родными корнями.

Добиться канонизации высшая дань памяти, которую наши современники могут отдать своим предкам. Жажда к святым нынче не причастна жертв царизма и солдатской Отечества. И выросших детей в одиноком А разве все они не совершили подвиг истинного благого.

Но главное, чтобы восстанавливающие память о прошлом не пытались переключить историю и перекроить события. Иначе можно разнаться до того, что ро-монгольское иго полагать благом, предтечей единого разийского пространства. модержавие – самым эффективным способом управления страной.